

ника къ учителю. Ни разу въ жизни Филиппъ Марковичъ не использовалъ результатовъ этихъ провѣрочныхъ испытаній для поднятія въ широкихъ врачебныхъ кругахъ престижа своего института.

Прочитавъ свои наброски я вижу, что я написалъ совсѣмъ не то, что слѣдовало. Филиппъ Марковичъ былъ крупной, недюжинной личностью. И онъ заслужилъ «настоящаго» некролога, съ датами рожденія, окончанія курса, перечнемъ и детальнымъ разборомъ его работъ, точнымъ обозначеніемъ когда и какое общество его избрало своимъ почетнымъ членомъ и т. д. и т. д.

Но что же дѣлать! Дать я не помню Растеряла ихъ и семья покойнаго въ своихъ скитаніяхъ по чужимъ странамъ. А работы его лежать въ багажномъ ящикѣ въ далекомъ Берлинѣ. И никто точно не можетъ сказать у кого именно изъ его друзей стоитъ этотъ заколоченный ящикъ. Приходится писать по памяти. А въ памяти только образъ живого человѣка, съ которымъ я проработалъ лучшие годы своей жизни, да созданное имъ большое культурное дѣло. Да простить мнѣ и самъ покойный, и близкая моему сердцу его семья за то, что я не сумѣлъ написать ничего иного.

С. Абрамовъ.

Воспоминанія объ Огаревѣ

(Къ пятидесятилѣтію со дня кончины).

Въ 1872 году, весной я попалъ въ первый разъ за границу — черезъ Берлинъ въ Парижъ и Женеву. Въ Берлинѣ, выйдя въ первый разъ на улицу, я купилъ сборникъ посмертныхъ статей Герцена. Принялся его читать и не могъ оторваться. Читалъ всю дорогу до Парижа. А приѣхавъ въ Парижъ, накопился на то, что нашелъ тамъ изъ сочиненій Герцена. То были письма изъ Франціи и Италіи. Больше, кажется, ничего не нашелъ. Парижъ отвлекъ мое вниманіе въ другую сторону. Но, приѣхавъ въ Женеву, я, во первыхъ, нашелъ «Былое и Думы», «За пять лѣтъ» — сборники статей Герцена и Огарева, «Съ того берега» и стихотворенія Огарева. Кро-

мѣ книгъ я нашелъ и досуги для чтенія.

Я былъ увлеченъ и проповѣдью Герцена и самой личностью обоихъ друзей. Горькія строки Герцена по поводу отношенія къ нему молодого поколѣнія волновали меня до глубины души. За что этимъ людямъ досталась обида и злоба? Герценъ умеръ, а Огаревъ остался. Ему хотѣлъ я высказать все свое чувство восхищенія, сочувствія, преданности...

Долго боролся я со своею застѣнчивостью и... наконецъ, рѣшился... Я отправился въ типографію Чернецкаго, гдѣ были напечатаны статьи Герцена. Позвонилъ. На лѣстницу вышла немолодая женщина и спросила «Что

Вамъ угодно?...—«Г-на Чернецкаго». — «Чернецкій умеръ». Я остолбенѣлъ, но черезъ минуту пробормоталъ: «Можете сказать мнѣ адресъ Огарева?» — «10, rue du Conseil général —» былъ отвѣтъ, и дама захлопнула дверь.

Съ бьющимся сердцемъ писалъ я Огареву письмо съ просьбой о свиданіи, съ общаніемъ высказать ему... не помню что. До слѣдующаго дня ждалъ отвѣта. Онъ пришелъ утромъ.

«Приходите когда хотите» — писалъ Огаревъ, — хотите сегодня, хотите завтра до 12 часовъ. Позже мнѣ невозможно оставаться дома.

Я отправился сейчасъ же, часу въ 11-мъ. Огаревъ жилъ въ первомъ этажѣ невысокаго двухэтажнаго дома. Теперь этотъ домъ не существуетъ. Въмѣсто него большой домъ, многоэтажный. Когда я вошелъ къ Огареву, онъ сидѣлъ на небольшомъ диванѣ, привѣтливо протянулъ мнѣ руку и посадилъ въ кресло рядомъ. Не помню какъ шла рѣчь. Кажется я свидѣтельствовалъ Огареву, что его помнить и любить въ Россіи... Но помню, что черезъ нѣсколько минутъ у него были слезы на глазахъ и у меня, конечно, тоже. Онъ показывалъ мнѣ портреты на стѣнахъ: портретъ Герцена въ гробу, портретъ красиваго юноши съ откинутыми назадъ волосами, съ надписью: «Палъ Ага отъ Саши». — то былъ Александра Александровича Герцена (въ то время профессора во Флоренціи) портретъ масляными красками самого Огарева — мальчикомъ лѣтъ 14-ти, бюстъ Грановскаго, про котораго Огаревъ говорилъ: «Онъ мнѣ былъ безконечно дорогъ».

Еще копию съ портрета Галлилея изъ галлерей Уффици во Флоренціи. Копію эту дѣлала дочь Герцена. Огаревъ говорилъ, что въ портретѣ Галлилея находили нѣкоторое сходство съ нимъ. Я не находилъ этого сходства. Прежде всего у Галлилея глаза каріе (а у Огарева сѣрые), лицо длинное, сѣрые волосы гладкіе, а у Огарева лицо скорѣе широкое, густые вьющіеся волосы...

Огаревъ разспрашивалъ меня, знаю ли я въ Петербургѣ Благовсѣтлова, студента Всеволожскаго. Я никого не зналъ. Въслѣдствіи я встрѣчалъ Всеволожскаго, уже прокуроромъ Новгородскаго суда, но о знакомствѣ его съ Огаревымъ не заговаривалъ... Рассказывалъ Огаревъ о пощеніи его старымъ другомъ Татьяной Петровной Пассекъ. Скоро появился молодой человекъ Сутерландъ, сынъ англичанки Мэри, жившей съ Огаревымъ. Въмѣстѣ съ нимъ былъ высокой молодой человекъ, французъ... Мы перешли рядомъ въ столовую, гдѣ Сутерландъ съ мѣста въ карьеръ — началъ меня пропагандировать. Онъ рассказывалъ о своей дружбѣ съ Бакунинымъ, расхваливалъ его, говорилъ о какой-то полемикѣ, въ которой онъ, Сутерландъ, принималъ участіе, о необходимости основать могущественное тайное общество. Нужно, чтобы общество было крѣпкое, а для крѣпости его надо кого нибудь убить, — тогда члены общества будутъ, изъ страха, крѣпко держаться другъ за друга. Я возражалъ, указывая, что въ Россіи нѣчто подобное обнаружено на Нечаевскомъ процессѣ и ничего путнаго не вышло. Огаревъ молчалъ.

А Сутерландъ не унимался. «Надо организовать русских мужиковъ и рабочихъ — въ Alliance internationale de la démocratie Socialiste. — «Ну, это, говорить я, — невозможно. Русскихъ рабочихъ и мужиковъ трудно этимъ заинтересовать. Да и какъ найти случай для проповѣди имъ?» «Да вѣдь собираются же они вмѣстѣ, въ кабаки, напримѣръ. Что же они тамъ дѣлаютъ?» — Я отвѣчала: пьютъ. „Ils boivent’“. „C'est comme moi” — авернула молчавшій Огаревъ и показала пальцемъ на животъ.

Сутерландъ и французъ проводили меня нѣсколько времени по улицѣ и дали на память стихи-пѣсню :

«Dans la vieille cité française
Il y a une race de fer
Dont l'âme, comme une fournaise,
A de son feu bronzé la chair.
C'est la canaille. Ehl! bien j'en suis.

Этимъ припѣвомъ кончался каждый стихъ.

Одинъ еще помню :

Ils fredonnaient la Marseillaise
Nos frères les vieux vagabonds
Attaquant en 93
Les Bastilles, dont les canons
Vomissaient la mitraille.
Que de trembleurs ont dit depuis
C'est la canaille! Ehl! bien j'en suis...

Пасекъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ, что молодой французъ былъ эмигрантъ, скомпрометированный въ возстаніи парижской коммуны.

Стихотвореніе, т. е. бумажка, на которой оно было написано, принадлежала французу. Кажется, это была популярная пѣсенка французскихъ социалистовъ.

И Огаревъ мнѣ на прощанье подарилъ листокъ съ стихотвореніемъ :

**

Тихая могила
Отъ начала вѣка
Поглотила много
Жизней человѣка.

**

Сгнили всѣ до кости
Иль съ водой умчались
Кой-гдѣ, скаля зубы,
Остовы остались.

**

Цѣли жизней новыхъ
Видны въ тусклой дали.
Мудрецы людскіе
Ихъ не разгадали.

Когда я передъ отъѣздомъ зашла къ Огареву проститься, онъ просилъ меня передать его сестрѣ Аннѣ Платоновнѣ Плаутиной, письмо съ рекомендаціей Сутерланду, который собирается ѣхать въ Россію учителемъ. Я порученіе въ точности исполнилъ. Засталъ старика Плаутина больнымъ въ постели, а сестру Огарева, маленькую старушечку въ хлопотахъ... Она очень участливо разспрашивала о братѣ — «какъ онъ живетъ?». Въ юности онъ намъ помогъ, говорила она, а теперь и мы ему помогаемъ. — «Да, жалко брата. Когда онъ былъ богатымъ женихомъ, за нимъ гонялись всѣ дѣвцы, а вотъ поймала Марія Львовна, отъ которой и пошли всѣ бѣды... А потомъ Герценъ ему навредилъ... Что они тамъ въ Лондонѣ писали? Взывали къ топорамъ! Богъ знаетъ что! Мои сыновья были у нихъ въ Лондонѣ. Но сыновьямъ за это ничего не было. Государь узналъ,

что они были у дяди и нашеть, что это вполне простительно»....

Сыновей Платиной я никогда не видалъ, а видѣть дочь — крупную, эффектную даму — «Моя дочь Зубова» — назвала Анна Платоновна Платина.

Эта графиня Зубова умерла въ Висбаденѣ осенью 1925 года.

Черезъ годъ съ небольшимъ, осенью 1873 года я снова былъ въ Женевѣ — заѣхалъ нарочно, чтобы видѣть Огарева. Онъ жилъ уже на другой квартирѣ, на бульварѣ Траншей. На этотъ разъ я засталъ Огарева гораздо болѣе бодрымъ и здоровымъ. Руки у него не тряслись. Взглядъ былъ твердый. Принялъ меня онъ очень ласково, пригласилъ къ обѣду — раннему, по швейцарски. За обѣдомъ Огаревъ не пилъ вина. Узнавъ, что я былъ во Флоренціи очень разспрашивалъ про Ал. Ал. Герцена. Постѣ обѣда читалъ мнѣ начало своихъ воспоминаній. Мало что помню изъ нихъ. Помню, что рассказъ про отца заключался эпизодомъ пляхи, которую тотъ, отходя ко сну, аккуратно давалъ своему лакею. Помню рассказъ про Васильчикова, того Васильчикова, о которомъ не именемъ В. такъ недружелюбно вспоминаеть Герценъ въ «Быломъ и Думахъ» по случаю разговора съ нимъ объ арестѣ Огарева. Старикомъ, Огаревъ съ благодарностью вспоминалъ о его вліяніи. «Герценъ» говорилъ Огаревъ, — «не всегда вѣрно цѣнили людей: такъ не дооцѣнивая Васильчикова, Герценъ превознесъ М. Ф. Орлова, который того не стоилъ. Огаревъ прислалъ ко мнѣ въ гостиницу Озерова, эмигранта, высоченнаго мужчину. «Очень ужъ Васъ Ога-

ревъ хвалить» — говорилъ мнѣ Озеровъ, «а онъ не ошибается». «Удивительный человекъ! Всякаго пойметъ! Сколько народу разсорилося съ Герценомъ изъ-за злого языка, — съ Огаревымъ никто не разошелся».

Пріяельство мое съ Озеровымъ очень пошло на ладъ.

Озеровъ разсказалъ свою исторію.

Онъ былъ офицеръ-уланъ въ Варшавѣ, навлекъ на себя подозрѣніе въ сочувствіи къ полякамъ и бѣжалъ въ банду, а когда банда была разбита, бѣжалъ въ Австрію, а оттуда въ Петербургъ, гдѣ и жилъ до 1866 г. на той косои улицѣ, которая идетъ мимо училища Правовѣднія. Никто его тамъ не беспокоилъ. Онъ даже съѣздилъ въ Пензенскую губернію, въ какой-то уѣздный городъ, откуда увезъ сосланную туда жену Домбровскаго, того Домбровскаго, который былъ генераломъ въ войскахъ парижской коммуны и былъ убитъ... Когда въ 1886 г. постѣ выстрѣла Каракозова Муравьевъ началъ въ Петербургѣ свои обыски и поиски, Озеровъ счетъ за лучшее бѣжать. И очутился сперва въ Парижѣ, потомъ въ Женевѣ. Въ Женевѣ Озеровъ сошеться съ Бакунинимъ. Не помню, участвовалъ ли онъ въ Лионской авантюрѣ Бакунина, но подробно разсказывалъ какъ Бакунинъ зарытъ въ Лионѣ Hôtel de Ville, издать декретъ отмѣняющій собственность, но долженъ былъ черезъ часъ постѣ торжества бѣжать. Бѣжать въ Парижъ, гдѣ господствовала коммуна, Бакунинъ не могъ: не хватало денегъ на проѣздъ. Бакунинъ бѣжалъ въ Марсель, гдѣ полиція очень скоро узнала о его

мѣстопребываніи. Префектъ, кажется, Эскирось — посоветовала Бакунину бѣжать. Бакунинъ отвѣчалъ: не съ чѣмъ, денегъ нѣтъ. Префектъ снабдилъ его деньгами, и Бакунинъ скрылся въ Швейцарію. Озеровъ очень уговаривалъ меня познакомиться съ Бакунинымъ, съѣздить къ нему. Но я, памятуя его роль въ Нечаевскомъ дѣлѣ, отказался. Рассказывая мнѣ про польскія дѣла, Озеровъ посоветовалъ мнѣ прочесть романъ Cherbuliez, d'Aventure de Ladislas Bolski — «Это не точное изображеніе политическихъ настроеній, но дастъ Вамъ понятіе о польскихъ характерахъ». — Я сейчасъ же купилъ романъ, но ничего не нашель въ немъ. Обольстительная и коварная красавица Mme de Lievitz обошла благороднѣйшаго поляка, заставила его измѣнить отечеству, обѣщавъ свою любовь, и обманула его, подославъ Бельскому на любовное свиданіе горничную. Бельскій сошелъ съ ума и утопилъ коварную...

Озеровъ въ Женевѣ занимается усердно сложнымъ мастерствомъ, что мало кормило. Въ Россіи у него былъ пріятель Боголюбовъ, служившій въ Петербургѣ въ главномъ штабѣ. По просьбѣ Озерова, я разыскалъ Боголюбова и передалъ ему просьбу Озерова о помощи. Боголюбовъ былъ неприятно смущенъ, но обѣщавъ сдѣлать, что можетъ. Впослѣдствіи я встрѣчался съ Боголюбовымъ, когда уже онъ былъ въ Ташкентѣ, чѣмъ-то очень важнымъ, въ генеральскихъ чинахъ, и не напоминалъ ему о друзьяхъ юности.

Въ этотъ пріездъ, помнится, Огаревъ впускалъ мнѣ помнить о великомъ значеніи общины.

Послѣ этого свиданія мы изрѣдка переписывались. Въ 1874 году Огареву, вмѣстѣ съ прочими русскими эмигрантами, федеральное правительство объявило приказъ покинуть Швейцарію. «Въ Италію ѣхать — писалъ Огаревъ,—не хочу, слишкомъ жарко. Поѣду въ Англію». Это было, очевидно, вліяніе Мэри. — То было послѣднее письмо отъ Огарева.

«Помните, писалъ онъ, что Россіи нужно разверстаніе земли по «тягламъ. Иначе она не найдетъ «своей необходимости».

Кажется, я правильно передалъ эту фразу, которая отзывается фразологіей Гегеля и крѣпостного строя.

Впослѣдствіи это стали называть чернымъ передѣломъ.

Къ впечатлѣніямъ отъ Огаревской поэзіи, которую я долго носилъ въ себѣ, прибавится живой обликъ его, обаяніе его личности.

П. В. Анненковъ рассказываетъ объ Огаревскомъ очарованіи, объ Огаревскомъ культѣ, возникавшемъ въ тѣхъ кругахъ, гдѣ Огаревъ появлялся...

Я съ радостью поддаюсь этому очарованію и храню память о немъ.

Что касается политической и аграрной догмы Огарева, первое соприкосновеніе съ живою дѣйствительностью открыло мнѣ глаза на несовмѣстимость этой догмы съ идеаломъ свободы.

Прежде чѣмъ разстаться съ Огаревымъ надо сказать нѣсколько словъ объ его участіи въ Нечаевскомъ дѣлѣ. Нечаевъ, слившійся душой съ Бакунинымъ, заключивъ съ нимъ союзъ въ походѣ на Бахметьевскій капиталъ (20.000 франковъ), — бывший въ распо-

ряженіи Герцена и Огарева, — долженъ былъ инсценировать картину революціоннаго движенія въ Россіи.

Привезли на показъ изъ Россіи немолодую акушерку Александрову. Приняла Александрова къ Огареву. — Вышелъ Огаревъ, поклонился, потомъ опять ушелъ, вышла собака. Огаревъ не выходилъ.

«Мы прождали, никого нѣтъ» — показывала Александрова.

Послѣ такого оказательства Огаревъ не долженъ былъ сомнѣваться въ революціонной организаціи... А Бакунинъ писалъ ему :

«Послѣ декабристовъ въ первый разъ появляется революціонная активностъ въ лицѣ Л—ина. (А на дѣлѣ Л—инъ, переодѣвшись жандармомъ, выудилъ у одного изъ заговорщиковъ вексель). Бакунинъ всему вѣрилъ, или хотѣлъ вѣрить, и увлекъ Огарева. Огаревъ требовалъ передачи капитала Нечаеву. Герценъ упирался, но рѣшилъ отдать въ единоличное распоряженіе Огарева половину капитала. И не успѣвъ ничего сдѣлать, умеръ. Наслѣдники Герцена отдали Огареву все. А Огаревъ передалъ деньги Нечаеву.

Вотъ и все участіе Огарева въ дѣлѣ Нечаева. Въ Москвѣ Нечаевъ показывалъ стихотвореніе Огарева, будто быему посвященное. То была ложь. Нечаевъ переписалъ стихотвореніе, посвященное памяти Астракова, товарища юности Ога-

рева, передѣлалъ конецъ и свидѣтельствовалъ объ уваженіи и высокой оцѣнкѣ своей личности Огаревымъ. Ничего не было.

Огаревъ отказывался подписать воззваніе и правила Нечаева. Объ этомъ расскажетъ Нагалія Александровна Герценъ, донынѣ здѣствующая. Бакунинъ ни въ чемъ Нечаеву не отказывалъ и заплатилъ жестокомъ посрамленіемъ не только отъ Маркса и присныхъ его, которые не прочь были и прилгать по адресу Бакунина, но и отъ честныхъ, русскихъ молодыхъ людей какъ Германъ Лопатинъ...

.....

Въ этомъ отрывкѣ изъ воспоминаній я не хочу говорить о поэзіи Огарева.

Его стихи надо просто повторять.

Не слѣдуетъ ли про нихъ сказать :

«Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль?»..

Огромное число изъ нихъ положено на музыку. Многое перешло въ хрестоматіи. Еще будутъ и учить Огарева и пѣть.

И его слова и звуки его словъ будутъ приводить миръ на душу читателю и слушателю.

Ф. Родичевъ.